

“ДУРАЦКАЯ СВАДЬБА” В ПЕТЕРБУРГЕ В 1740 Г.

Борис Успенский, Андрей Шишкин

Начинался последний год царствования своевольной императрицы Анны Иоанновны, и кабинет-министр Артемий Петрович Вольтер, еще не предвидевший близко уготованной ему страшной участи, готовился поразить Петербург еще невиданным шутовским праздником. Центром его была свадьба князя Михаила Алексеевича Голицына (1697-1775) — перешедший за границу в католичество, князь в наказание был сделан придворным шутом; теперь рюрикович Голицын, принадлежавший к одному из самых знатных семейств в империи, женился на царской приживалке и шутихе калмычке Евдокии Ивановне Бужениновой (1710-1742). Приходившаяся на преддверие масленицы свадьба должна была сопровождаться грандиозным маскарадом, где главную роль играли экзотические народы, населявшие Российскую империю. О том, как готовился праздник, можно судить по одному из указов, посланных в Казань:

Указали мы для некоторого приуготовляемого здесь маскарата выбрать в Казанской губернии из татарского, черемисского и чувашского народов каждого по три пары мужеска и женска полам и смотреть, чтобы они собою были не гнусные, и убрать их в наилучшее платье со всеми приборами по их обыкновению, и чтоб при мужеском поле были луки и прочее их оружие и музыка, какая у них употребляется <...>

Такие же указы пошли в Архангельск, на Украину; в Москве требовалось сыскать “восемь баб молодых и столько ж мужей их, умеющих плясать, которые б собою были не гнусны, <...> из пастухов шесть человек молодых людей, которые бы умели на рожках играть <...> меделянских 15 хороших собак <...> петуховых больших перьев, колькольчиков разных <...>”; из Твери забиралось 12 человек для ал-

легории *Весны*, уже представлявшейся на прошлых маскарадах; из Новгорода — 50 козлов да баранов четверорогих и пятерогих до десяти, из Сибири — хвостов лисьих и волчьих, тулупов медвежьих и т. д.; всего было выписано около 300 инородцев.¹

Под руководством того же Волынского был составлен подробнейший церемониал маскарадного шествия (его мы публикуем) и рисунки маскарадных костюмов (они нам неизвестны). Свадебный поезд должен был проехать мимо императорского дворца и объехать главные улицы города. Открывал шествие римский бог Сатурн на колеснице, запряженной четырьмя оленями с позолоченными рогами — аллегория “золотого века” (*Saturnia regna*);² за ним — астрологический символ Полярной звезды, в коляске на восьми журавлях, затем четыре пастуха, играющие на рожках, верхом на коровах, за ними — фурьер с жезлом в руке на верблюде, потом трое колдунов с накладными носами, пешие; дальше сказочный богатырь с четырьмя руками, двумя лицами но одной головой; потом потешная “гвардия” жениха — 24 воина в вывороченных заячьих шубах верхом на козлах; вслед им — музыканты с гудками, волынками, рылями, балалайками и рожками, за ними линейки и сани, запряженные быками или собаками, на которых ехали вотяки, лопари, камчадалы и просто ряженные “под видами разных диких народов”; Бахус верхом на винной бочке, с ним два сатира, и кругом них аллегория Весны — тверские ямщики, свиставшие по-птичьи,³ и Нептун на морской рыбе — последнего бога представлял доставшийся Анне в наследство петровский шут И. А. Балакирев; кидающие в толпу мерзлую рыбу камчадалы,⁴ потом скороходы, и наконец женихова конюшня: оседланные осел, козел и баран, а потом уже, в санях на шести оленях, и сам жених — “дурак

¹ С. М. Соловьев. *История России с древнейших времен*, т. 20 / С. М. Соловьев. *Сочинения*. Кн. X. М. 1993, с. 517-518.

² Ср. “Бегут к нам из всей мочи сатурновы веки” (Песнь <...> к <...> празднованию коронации <...> Анны <...> 1730 — В. К. Тредиаковский. *Избранные сочинения*. М.-Л. 1963, с. 55).

³ По воспоминанию В. А. Нащокина, “поезжане каждой показывал свое веселье, где у которого народа какие веселья употребляются, в том числе города Твери ямщики оказывали весну разными высвисты по птичьему”. *Записки В. А. Нащокина*. СПб. 1842, с. 184.

⁴ Это действие пародийно соотносится с обычаем бросать деньги, принятом в свадебном обряде.

самоятский ханской сын Кваснин”,⁵ бывший князь Голицын,⁶ за ним сваха “во образе Юноны” с четырьмя купидонами, наряженными обезьянами, с нею по две подсвахи, одни на петухах, другая на гусях; затем на слоне управитель всего маскарадного поезда, с большой седою бородой, в черном платье, на груди на медной цепи “дурацкий герб” жениха, а в руках помело, кругом его — 12 арапов и трое помощников на верблюдах; вслед им пешком со служителями, жертвенными быками и баранами главный жрец-идолотворец, на голове шапка с полумесяцем, в руках серповидный нож, с ними изображение солнца, “которого идолопоклонники за бога почитают”; за ними аллегории четырех времен года, и вот уж наконец на верблюдах сама “невеста блядь Буженинова” (таков ее официальный титул на шутовской свадьбе) со “своднею свекровью”, погонщиками у них купидоны, бросающие в народ овощи⁷ на санях, запряженных свиньями, их сопровождают мордвины, чувашаи и черемисы, всех по шесть человек;⁸ заключают дикий шутовской поезд музыканты и пешая потешная “гвардия” невесты.

Одним из главных участников шутовского действия был Тредиаковский. В маске и потешном платье он принужден был сочинить для

⁵ Вообще, титул самоедского хана или самоедского короля присваивался шутам Петра — Лакосте, по происхождению португальскому еврею (см. Manstein Chr. von. *Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie...*, II, Lyon 1772, p. 71) и Вомини (или Вымени, ум. в 1714), по происхождению поляку (*Письма и бумаги Петра*, IX, № 3356). Нельзя не отметить, что оба они были католиками.

По свидетельству Вебера, “самоедский король” по традиции “всегда занимал должность советника увеселений” при дворе (Weber Fr. Chr. *Das Veränderte Russland...* Frankfurt 1721, S. 339).

⁶ Маркиз де ла Шетарди сообщал в письме от 19 февраля / 1 марта 1740 г., что М. А. Голицына после шутовской свадьбы запрещали называть “иначе как только по имени, данному при крещении” — П. Пекарский. *Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740-1742 годов*. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге... СПб. 1862, с. 57.

⁷ Овощи, как и рыба, изображают деньги.

⁸ Совершенно так же на устраиваемых при Анне карнавалах в 1730 и 1731 гг. участвовали маски на санях, ряженные самоедами, татарами, калмыками, китайцами, персами, турками, поляками, немцами и другими народами, “зрелище единственное в своем роде, но малопрстойное”, замечает иностранный наблюдатель (Jacques Jubé, *La religion, les moers et les usages des Moscovites*. Oxford 1992, p. 195).

“дурацкой свадьбы” шутовское приветствие на заданную материю и прочесть его на самой свадьбе. Это приветствие в церемониале именовалось “казаньем” или “срамным казаньем”, слово “казанье” восходит к польскому *kazanie* и означает “проповедь” — о смысле этого названия мы скажем ниже. Вот шутовское “казанье”, написанное Третьяковским:⁹

Здравствуйте женившись дурак и дура,¹⁰
еще и блядочка, то-та¹¹ и фигура.
Теперь-то прямое время вам повеселится,
теперь-то всячески поезжанам¹² должно бесится,
Кваснин¹³ дурак и Буженинова блядка
сошлись любовно, но любовь их гадка.
Ну мордва, ну чуваша,¹⁴ ну самоеды,¹⁵
Начните веселые молоды деды.¹⁶
Балалайки, гудки, рошки¹⁷ и волынки,
сберите и вы бурлацки рынки,¹⁸
плешницы,¹⁹ волочайки²⁰ и скверные бляди,

⁹ Упрощенный вариант прежде полностью не публиковавшегося “казанья”; его точное воспроизведение — по наиболее раннему и достоверному списку (ГПБ, F.XVII.12, л. 354, ср. другой список ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 1235, л. 1-10б) — следует ниже.

¹⁰ “Дурак” и “дура” — обычные обозначения шута и шутихи.

¹¹ То-та, то есть “вот какая!”, в значении итальянского “ecco!”.

¹² Поезжане — участники свадебного “поезда”, то есть процессии.

¹³ Прозвище М. А. Голицына при дворе. Сочетание Кваснина (Квасника) и Бужениновой обыгрывает семантику того и другого наименования: прозвище “Квасник” соответствует обязанности Голицына подавать императрице квас, буженина же была любимым кушаньем Анны Иоанновны.

¹⁴ Ср. “6 человек мордвы с мордовками в своем мордовском платье на свиньях”, “6 человек чуваш в своем уборе ехать на козлах” в “Описании дурацкой свадьбы” ниже.

¹⁵ См. выше, прим. 5.

¹⁶ То есть балаганные деды.

¹⁷ То есть рожки.

¹⁸ То есть сборища бродяг.

¹⁹ Слово “плешница” образовано от “плешь”, последнее слово обозначает половой орган (как мужчины, так и женщины).

²⁰ Потаскушки.

ах вижу как вы теперь рады,
гремите, гудите, брянчите, скачите,
шалите, кричите, пляшите,
Свищи весна, свищи красна.²¹
не можно вам иметь лучшее время,
спрягся ханской сын,²² взял хамское племя.²³
Ханской сын кваснин, буженинова ханка,
Кому того не видно кажет их осанка!
О, пара! О, нестара!
Не жить они станут, но зоблют сахар,²⁴
А как он устанет, то другой будет пахарь.²⁵
Ей и двоих иметь диковинки нету,
Знает она и десять для привету.
Так надлежит новобрачным приветствовать ныне,
дабы они во все свое время жили в благостыне.
Спалось бы им, да вралось, пилося бы, да елось.²⁶
Здравствуйте женившись дурак и дурка,
и еще блядочка то-та и фигурка.

Содержание стихов прямо соответствует фигурам и аллегориям “дурацкой свадьбы” и ее цели: лютому унижению несчастного князя.

Участие Третьяковского в этой издевательской буффонаде было отнюдь не добровольным: ему предшествовали розыгрыш и избиение. Накануне, вечером 4 февраля 1740 г., к Третьяковскому приехал кадет Криницын и объявил, что Третьяковский призывается в Кабинет Его Императорского Величества, то есть в верховное государственное учреждение Российской империи того времени; это известие, естественно, Третьяковского до крайности напугало. Повез Криницын Третьяковского на самом деле не в Кабинет, а на Слоновий двор, где приготовлениями к макараду занимался Волынский. Когда

²¹ См. выше, прим. 3.

²² Княжеский титул Голицына уподобляется ханскому.

²³ Обыгрывается созвучие “хамский — ханский”.

²⁴ Имеется в виду сладкая жизнь, но из контекста видно, что эта сладость состоит в плотских удовольствиях.

²⁵ Образ пахания как *coitus*'а известен как в античной, так и славянской культуре.

²⁶ Обыгрываются ритуальные свадебные формулы с пожеланиями благополучия.

Третьяковский стал жаловаться кабинет-министру на сыгравшего с ним столь неприятную шутку кадета, Волынский в ответ принялся бить Третьяковского и приказал его бить и Крилицыну. Затем Третьяковскому было повелено сочинить для “дурацкой свадьбы” шутовское приветствие на заданную “материю” и прочесть его на самой свадьбе. После того, как Третьяковский сочинил эти стихи, его забрали в Маскарадную комиссию, где он должен был провести две ночи под стражей; там его снова жестоко избили, обрядили в потешное платье и заставили участвовать в шутовском действе.

С первого момента, таким образом, Третьяковский против своей роли оказался в роли шута; он выступает не в качестве субъекта, а в качестве объекта шутовского действия, не только как сочинитель виршей, но как объект карнавальной игры. Это было самым трагическим эпизодом в жизни Третьяковского, который никогда так и не сумел оправиться от нанесенного ему оскорбления. Несмотря на то, что через некоторое время он был реабилитирован и получил звание профессора Петербургской Академии наук, и что нанесенные ему побои были использованы потом как один из формальных поводов для обвинения Волынского, Третьяковский — с точки зрения двора, в перспективе которого определялась иерархия культурных ценностей того времени, — всю оставшуюся жизнь нес клеймо шута. Не случайно в *Оде Тресотину*, приписываемой иногда Ломоносову, Третьяковский (он здесь выведен под именем *Тресотин*), изображен как шут, которого для потехи избивают другие шуты, Педрилло и Балакирев:

Ну ж хватай
Поскоряй!
Не теряй минуты!
Тешся так,
Как и сам,
В пляску, в валку, в жгуты!
Как Петрил тебя катал
И Балакирев гонял.
Все режут тебе: “Кураж,
Тресотин, угодник наш!”²⁷

Это отношение к Третьяковскому затем поддерживается Екатериной II, которая в наказание за ту или иную провинность пред-

²⁷ М. В. Ломоносов. *Полн. собр. соч. в 10 томах*, М.-Л. 1959, т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи, с. 829.

писывала прочесть или выучить наизусть стихи из *Тилемахиды*; это наказание было придумано самой императрицей. Именно таким был выведен Третьяковский в известном романе Лажечникова *Ледяной дом*. Этот портрет Третьяковского вызвал резкий протест Пушкина, который писал автору: “За Василия Третьяковского, признаюсь, я готов с вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей. В деле же Волынского играет он лице мученика”.²⁸ Если говорить об эволюции статуса писателя в послепетровской России, то именно Пушкин начинает новую эпоху. По Пушкину, писатель имеет право жить своим трудом, получать за него деньги, и это не унижительно. Пушкину удалось утвердить представление о ценности и самодостаточности писательского труда. Закономерно, что он увидел в Третьяковском не буффона, а мученика.

Остается сказать, что одной из целей шутовского действия 1740 г. было осмеяние католиков. Как мы уже указали в начале, князь М. А. Голицын был сделан шутком в наказание за переход в католичество. Отметим, что из шести придворных шутов Анны Иоанновны четверо было католиками. При этом двое — князь М. А. Голицын и граф А. П. Апраксин — были сделаны шутами именно за их обращение в католическую веру.²⁹ Характерно, что в свадебной процессии участвовали ряженые колдуны и языческие жрецы, которые вели жертвенных баранов и быков, несли “вид солнца, которого идолопоклонники за бога почитают”, и языческие боги: тем самым подчеркивалось “неправоверие” брачующихся.

Таким образом, Третьяковского заставляют участвовать в шутовском действии, в какой-то мере задуманном, как глумление над католиками и католическим вероисповеданием. Это, по-видимому, не случайно. Действительно, Третьяковский был тесно связан с католиками, как в Астрахани, где он учился в капуцинской школе в 1710-х-начале 1720-х годов, затем в Голландии и во Франции, где он выполнял задание католиков-янсенистов.³⁰ Волынский, который был гу-

²⁸ А. С. Пушкин. Письмо к И. И. Лажечникову от 3 ноября 1735 г. (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах. М. -Л. 1949, т. X, с. 555).

²⁹ Б. А. Успенский, А. Б. Шишкин. *Третьяковский и янсенисты*. — “Символ” 23 (1990), с. 169-170.

³⁰ Б. А. Успенский, А. Б. Шишкин. *Третьяковский и янсенисты*, с. 105, 107-109, 112 сл.

бернатором в Астрахани в 1719-1724 гг., безусловно знал о связи Третьяковского с капуцинами и ему, скорее всего, было известно о его отношениях с янсенистами. В этом контексте становится понятным наименование стихов Третьяковского “казаньем”, то есть польским словом, означающим “проповедь”: католическая проповедь уподобляется таким образом шутовским, непристойным виршам, и это соответствует всей цели церемонии, направленной на осмеяние католичества.

ПРИЛОЖЕНИЕ ЦЕРЕМОНИАЛ МАСКАРАДНОГО ШЕСТВИЯ

Описание Дурацко^И Свадьбы по^Д образо^М само^Тскаго ха^На с^На ево дура^Ка имянуемого Кваснина, ко^Торой жени^Тца у ха^Нши мордо^Вской на дочери ея на дурке и бля^Тке имянуемо^И Бужениновой, которая свадьба им^Бе^Т учреждена быть сл^Бдующи^М поря^Тко^М.

“1”

Проводитель свадь^Бы лякистячъ <sic!> и неувершию во образе сатурна которой на четырех оленя^Х с позолочеными ро^Ггами, куча^Р в свое^М платье.

“2”

За ним сл^Бдую^Т планета *В* Северная зв^Ззда в коляске на “8” журавляхъ з дышло^М и два помощника назади в странном уборе, та^Кже и други^Х колясокъ птичьихъ, о^Ттого дышла то^Нкая веревка привязана к с аня^М само^Дски^М.

“3”

4” пастуха с рошка^Ми вм^Бесто труба^Вч^В убранны в пестрое платье, а оные поедутъ верхами на корова^Х.

“4”

За оними слѣдуетъ фурие^Р поедет^Т на ве^Рблюде убра^Н проти^В рису^Нка в руке имѣет^К с по^Дписание^М жестяно^И, ве^Рблюда оди^Н в стра^Нно^М же уборе. вел <?>

“5”

Следовать “3” пѣши^М во ѿ^Бразе ко^Лдуно^В для о^Хранения поезду по ѿ^Быкновеннению идолопо^Кло^Нническо^{МУ} оны убраны. Один осыпа^Н бѣлы^М пухо^М і перьемъ на голове і в бороде, черные волосы с ко^Лтуна^{МИ} за ни^М следующие два в че^Рно^М платье с седыми борода^{МИ} і волоса^{МИ} с наткаными изре^Тка бѣлыми перьями че^З плеча і с цветов же зделаны перевези х которым привязать бере^Ндеръ ка^К у стре^Лцо^В бывало оныхъ выбрать і^З мужико^В у которыхъ приделать носы а лице не закрывать

“6”

“2” чѣлка з бубна^{МИ} в мохнато^М пла^Те имѣю^Т ѣхать на бык^{АХ}.

“7”

Вои^Н во ѿ^Бразе богатыря об о^Дной голове “2” лица “4” руки “4” ноги в пла^Те болшо^М по руке в бо^Лшо^М ко^Лпаке с перьемъ “2” бороды у о^Дного лица че^Рная а у другога седая которая у^Брана наподобие Единорога.

“8”

Воино^В жениховы^Х “24” чѣлка ѣха^Т по 2” чѣлка в рядѣ на ко^Зла^Х шубы заечьи навыворо^Т в рука^Х дубины с ко^Лцами что^Б гремели че^З плечо зделаны і^З елнику перевези на которы^Х повешены ѡляги на голов^{АХ} шишаки а на ни^Х вдето вместо перья сосновыя сучья з бума^Жны^{МИ} цветами у оных мужико^В по^Ддѣла^Т ноги цокули высокие.

“9”

Позади воино^В друго^И кома^Нди^Р у которого по тому^Ж приме^Ру имѣет^Т быть придѣлана болшая голо^{ВА} з бо^Лши^М ко^Лпако^М с перьемъ.

“10”

Друшка на ко^Зле проти^В рису^Нка уборо^М че^З плеча перевязан^Н бума^Жными цветами в руках долго^И бич с мохрами.

“11”

Два подружя в туганско^М пла^Те с такими^Ж бичами.

“12”

“18” чл̄к музыки з гутка^{МИ} волынка^{МИ} рыля^{МИ} балала^Иками с рошка^{МИ} а между им^И назначе^Нныя .6. чл̄къ плясуно^В с лошка^{МИ} с колоколчика^{МИ} которы^М і припевать а на середине плясуно^В поиде^Т коза по старому обыкновению в коз^Лово^И одежде з золоты^{МИ} рога^{МИ} і колоколчиками музыка^Нты и плясуны все в бурлацко^М платье.

“13”

Линей с пое^Зжана^{МИ} съ .8. чл̄ки разны^Х народо^В поеду^Т на “6” быка^Х которы^Х быко^В прибра^Т с холка^{МИ} і про^Тчи^М уборо^М повознико^В оди^Н і^З стра^Нно убранныхъ же люде^И в ме^Двежье навывороте пла^Те і штанами ме^Двежьими і в шапке тако^И же.

“14”

Хвостъ линей “24” чл̄ка по 1^{МУ} чл̄ку на линей по^Д видами дики^Х разны^Х народо^В.

“15”

“3” персоны во ш^бразе ша^еро^В которые убраны е^Лю наподобие пирамиды с ни^Зу до само^И головы а на голове кол^пакъ елово^И же на которо^М ве^Тви распу^ститъ нап^добие перья подо^бныхъ людеи по^дд^елать по^д ноги высокие цокули.

“16”

“6” чл̄къ вотяко^В в свое^М уборе на сабака^Х ка^Ждо^И ехать на “2” сабака^Х на са^Нка^Х.

“17”

“6” чл̄къ лопа^Нцо^В в свое^М уборе на сабака^Х еха^Т таки^М же порятко^М.

“18”

“6” чл̄къ ка^Мчидало^В на 6 оленя^Х в саня^Х убраны в свое^М уборе.

“19”

Баху^С на линии с погребом ево при не^М “2” служителя наряжены сатирами¹ а линею повезут 12 чл^к убраны ка^к ме^дведи.

“20”

Вкру^х бахусово^и линиі весна в свое^м уборе оны^х “12” чл^к с ними плясуно^в 6 чл^к и 6 плясунеи

“21”

Тысячко^и Балакире^в с острогою в о^бразе Нептуна на морско^и рыбе іли звере около по^иде^т во о^бразе морски^х людей і .б. убраны приличными ра^зными манирами которые оно^{го} і повезу^т

“22”

За ними следуют 2 ка^нчадала в о^страбацки^х ло^тка^х которы^х выше^означенные^ж повезу^т, а оные остробаты вместо овощей і^з лото^к в наро^д будутъ мета^т ме^рзлую рыбу.

“23”

4. скорохода рожи бо^лшие а руки і ноги коро^ткие ка^к назначены в еигуре.

“24”

За скорохода^{ми} следуе^т женихо^{ва} конюшня пре^д которою поеде^т конюше^и на четырерого^м баране в самоятцко^м пла^те за ни^м напереді ішакъ осе^длано^и чюхо^нскою деревяшкою муштук у се^дла и стремена деревянные чепракъ рогожной с кистьми моча^лными, за ішако^м козе^л осе^длано^и убра^н таки^м же поря^тко^м за ко^зло^м бара^н осе^длано^и с таки^мже уборо^м оны^х поведу^т люди убра^нные в виде самояд^{ов} за конюшнею по^идутъ пре^д женихо^м “6” чл^к паже^в по “2” в ряд.

“25”

Сани на “6” оленя^х на которы^х поеде^т дура^к самоятско^и ха^нско^и сн^ь Квасни^н а с ни^м по правую сторону во о^бразе о^тца посадя^т самояда уни^т <sic> во о^бразе время.

¹ В рукописи описка: “сапирами”

“26”

Вкруг жениха поИдут на лыж^{ах} двора ево люди “12” члкъ убраны проти^в того ка^к значить в ѿгуре ка^ждого со^рта по 2 чл^ка и о^значе^нные люди понесут^т щит, шишакъ булаву, бердышь, лукъ, стрелы, копье да охоту ево іс птицъ, ѿлина і сову, да .2. собаки хо^латые.

“27”

За ни^м поедут в раз^ных убора^х ево бли^жние люди “12” члкъ на ко^зла^х на оленя^х і на ме^лки^х лошедя^х убраны в стра^нных убора^х.

“28”

Сваха во ѿб^разе юноны поедет в коляске на інде^иски^х “8” петуха^х вкруг ея купидо^в “4” с луками і стрела^{ми} наря^жены обе^зяна^{ми}.

“29”

За свахою следуютъ 2 по^дсвахи о^дна на руски^х петуха^х а другая на гуся^х по “8”^ж птицъ зделаны^х коляска^х імеют^т ітти пеши а вид^т та^к об^стоит^т ка^к бы сидели при тех 3^х коляска^х по .2. ка^к значи^т въ 1^м № назад^и <?> для помощи колясокъ все убраны в дики^х одежда^х

“30”

Вид опре^деления ілиро^к <sic!> за ни^м че^ркасکو^и музыки “8” члкъ да плесуно^в женщинъ і девокъ “8” в свое^м казачье уборе.

“31”

Главной управитель всего пое^зду поедет ве^рхо^м на слоне убр^ан седою бо^лшою бородою в че^рное коро^ткое по пое^с пла^те и о^т пояса до коленеи юпка с ѿа^лбарамі башмаки і^згнуты вве^рхъ крючко^м нос^ками і ³ бантами і³ лентъ на груди манета оловянная з жениховы^м ге^рбо^м дурачки^м повешена на ме^дны^х чепя^х на шее перья і колоко^л к неи на плеча накинута епа^нча полосатая все^х цвето^в суко^н сидет оно^и управител² по^д че^рдако^м в рука^х вместо посоха імеетъ помело.

² В рукописи описка: “у правителя”

“32”

Около ево поеду^Т арапо^В “12” члкъ убра^Иные въ и^Х платье.

“33”

За ни^М 2 помощника ево на ве^Рблюда^Х убраны так ка^К на^Значе^И а понец <sic!> в рука^Х имеютъ вместо посохо^В по песту.

“34”

Гла^Вно^И і доло^Творецъ жре^Ц у него на головѣ шапка с полумѣ^Сцо^М в рука^Х се^Рповидно^И но^Ж борода і волосы седые на не^М пла^Те од^Но друго^Ва короче с мо^Храми и колоко^Лчиками оно^И иде^Т пешко^М

“35”

Позади жреца поведут^Т двое же^Ртве^Иного быка а за ни^М по сторона^М два барана тѣ которые поведут^Т в бѣло^М одѣяніи на ни^Х венки ис цвето^В быка і баранов убратъ цветами а роги вызолотить.

“36”

Со служителми же^Рцо^В 4. жреца на голова^Х і в бороде^Е волосы бо^Лшие “4” на голов^Ах венцы ис цвето^В в рук^Ах понесут^Т присто^Иные к жертве и^Х а іменно но^Ж сосуд позолочено^И в горшке уголье кубышку глиненую бо^Лшую и до^Лбню

“37”

Ви^Д сонца которого идолопокло^Иницы за бѣга почитаю^Т у которого лице выста^Влено а лучи ско^Лко о^Т лица до ногъ сто^Лкожь і в верхъ и по сторона^М в рука^Х.

“38”

“4” годовые време^Иа то есть весна лѣто осень зима убраны по и^Х вида^М в нарочитое пла^Те за оны^Ми по^Идутъ передъ невестою 6 пажси по 2 ж члкъ в ряд.

“39”

Невеста бля^Д Бужепино^Ва с своею сво^Днею свекро^Вю наряжены какъ значит на рисунке оные імѣютъ еха^Т в коча^Лке на дву ве^Рблюда^Х ве^Рхъ у коча^Лки убра^И по^Дсо^Лношниками с ма^Храми и колокольчи^Ками коча^Лка обвешена волчими и верхъ у по^Дсо^Лношника лисьи^Ми хвоста^Ми на те^Х ве^Рблюда^Х ново^Зниками по “2” члкъ на ве^Рблуде

купиды выбраны іс карло^В или небо^Лши^Х ребята наряжены какъ значи^Т өйгура оные купиды в наро^Д будутъ мета^Т овощи.

“40”

Убо^Р невести^Н понесутъ дико^Обра^Зны^Х 12. чл̃къ пешко^М ка^К значи^Т на өйгура^Х ка^Ждого со^Рта по “2” оные імеютъ нести прилично^И убо^Р гребень веретена зе^Ркалы кубышки братинки решеты ступы песты і коро^Бку писаную.

“41”

Бли^Жние невестины боярони поедутъ в кле^Тка^Х по персидско^{МУ} обычаю на 4 ^Х ве^Рблюда^Х на ка^Ждо^М оные наряжены ка^К явствует Фигура по^Д ни^{МИ} верблюдо^В імеютъ вестъ колмыки в вычу^Рчьи^Х тулупа^Х на голова^Х и^Х шапки с лисьи^{МИ} хвостами.

“42”

3” свешника нарежены ка^К я^Встvue^Т өйгура^{РА} прие^Зжие^Ж депутаты дики^Х разных наро^До^В поедутъ на линияхъ.

“43”

6 чл̃къ мо^Рдвы с мо^Рдовка^{МИ} в свое^М мо^Рдо^Вско^М пла^Те на свиньяхъ по 2 чл̃ка на санкахъ по 4 сви^{НИ} впрежены

“44”

6 чл̃къ чюва^Ш в свое^М уборе ъха^Т на ко^Зла^Х проти^В того ж і с са^{НИ}ми ихъ чювашскими.

“45”

6 чл̃къ черемисо^В въ и^Х уборе поедутъ і с са^{НИ}ми и^Х жены на сви^{НИ}я^Х проти^В тогожъ

“46”

3 короваешника убо^Р проти^В того ка^К назначены өйгуры в рука^Х імеютъ до^Лгие витушки во^Ткнутые на шеста^Х.

“47”

Линия на 6 быка^Х на которы^Х посажены о^Т певичъ в кичках і понава^Х повозники у них і^З бу^Рлако^В

“48”

В рука^х оны^х музыка 20 чл^к з гу^тками волы^нками балала^нка^{ми}
лошками і рылями наряжены бу^рлаками

“49”

Хвост о^т линеи на которы^х посажены ра^зные народы на саласка^х на
которы^х изо^бражены лебеди журавли свиньи сабаки во^лки черепахи
раки лягушки всехъ .24. чл^к.

“50”

2 человека з бу^бнами пеши^х та^к ка^к в ои^гуре изо^бражено.

“51”

Пешая музыка .6. чл^к с свирелями і з дутками

“52”

Кама^нди^р воино^в убра^н та^к какъ значи^т ои^гура.

“53”

Пешее во^иско с невестино^и стороны .24. чл^к убраны ка^к значи^т
фигура.

“54”

Замыкающей весь пое^здь дурацко^и вои^н им^я о^дну голову а у не^и 2.
болшие лица з бородами ка^к напреди та^к і назади с четы^рмя руками і
с четы^рмя ногами.

При то^и сва^дб^ѣ говорено каза^не о^т васи^ля тре^тяковского

Здра^вству^ите женивши^ѣ дуракъ і дура,
еще і блядочка тота і ои^гура.

теп^ер то прямое время ва^м повесели^тца,
теп^ер то всячески пое^зжано^м до^лжно беси^тца
кваснинь дура^к і буженинова бля^тка,
сошли^ѣ любовно, но любовь и^х га^тка.
Ну мо^рдва, ну чуваша ну самоеды,
Начните в^ѣселые молоды д^ѣды.

балала^Ики гу^Тки рошки і волынки,
 Зберите і вы бурлацки рынки
 Плешницы волоча^Ики і скве^Рные бляди
 а^Х вижу какъ вы теперъ ради
 Гремите гудите бря^Нчите скачите,
 шелите кричите пляшите,
 Свищи весна, свищи красна.
 Не мож^{но} ва^М име^Т лу^Тчее время,
 Спрягся ханско^И снѣ, взя^л ха^Мское племя
 Ханско^И снѣ ква^Сни^Нбуженино^{ва} ханка,
 Ко^{МУ} того не вид^{но} каже^Т и^Х оса^Нка.
 О, пара. О, нестара.
 Не жи^Т они стану^Т но зоблю^Т саха^Р
 А какъ о^Н устане^Т то друго^И буде^Т пахарь.
 Еи двои^Х име^Т дикови^Нки нету,
 Знае^Т она и деся^Т дляпривету.
 Так на^Длежи^Т новобрачны^М приве^Тствова^Т ннѣ
 дабы они во все свое время жили в блѣгостынѣ.
 Спало^Ѡ бы и^М да в^рало^С пило^С бы да ѣлось.
 Здра^Вству^Ите жени^Вши^С дуракъ і дурка,
 і еще блядочка тота і ѳигурка.

(ГПБ, F. XVII. 12, л. 350-354)